

Дождь, не прекращавшийся со вчерашнего дня, к полудню перестал. Я осторожно ступал по дороге, на которой тут и там сверкали лужи, а мимо меня проносились один за другим дети на велосипедах. Один из них что-то кричал и показывал пальцем на большую яркую радугу. Я остановился и смотрел на неё несколько секунд. Когда же я вновь опустил взгляд, чтобы продолжить идти, детей уже нигде не было видно.

Может, они поехали искать что-то там, где она кончается, подумал я. Существует поверье, что на конце радуги лежит горшочек золота. Мне оно никогда не нравилось. Меня не прельщает идея того, что под чем-то столь прекрасным зарыто нечто тоже прекрасное. Я из тех людей, которые ожидают обнаружить труп под цветущей вишней. Просто "красивое" смущает меня. Меня тревожит, что кто-то где-то принял на себя удар, чтобы сохранить эту красоту. Было бы здорово, если бы там, где начинается радуга, оказалось кладбище, думал я. Мне хотелось, чтобы за этим сверкающим семицветьем скрывалась пара тысяч скелетов. Тогда, может быть, я чуть сильнее проникся бы наивной симпатией к радуге. Во время посещения городской библиотеки я вновь встретился с девочкой, искавшей призраков. Опустив в автомат с напитками 100 йен и выбрав сок, я заметил её, стоящую у другого автомата под зонтиком. Она замерла с монеткой в руке, изучая выбор настолько пристально, будто принимала важнейшее решение в своей жизни. Увидев, что я смотрю, она подняла зонт и взглянула на меня. «Ах, мистер, – её глаза расширились, и она склонила голову, – добрый день. Как неожиданно встретиться здесь с вами». «Надеюсь, ты не искала призраков весь день?»

«Ну, во многом вы зря надеетесь, – она приподняла сумку в руке. – Обе книги, которые я сегодня взяла, о призраках». «Своеобразно», – прокомментировал я. «Вы ведь думаете, что это глупо? – скривила она губы. – Так давайте. Я же правда тупая. Да и оценки мои ужасны». «Это была не ирония. Я действительно считаю это своеобразным. Не будь слишком обычной, пожалуйста». Та девочка некоторое время молча смотрела на меня, но выражение её лица внезапно смягчилось, и она указала на скамейку у дороги, ведущей к библиотеке. «Если не возражаете, можем мы немного поговорить?» Мы купили себе соки и медленно попивали их, сидя вместе на лавочке. До меня доносился раздражающий стрёкот цикад из зарослей у библиотеки. «Кстати, как ты думаешь, каким типом существ являются призраки? – спросил я. – То есть, у людей ведь на них свои взгляды. Некоторые считают, что они просто наблюдают за нами вблизи, а другие – что они обижены, и потому проклинают и убивают людей. Кое-кто также думает, что они не могут вмешиваться в человеческую жизнь – просто существуют. Поэтому я хочу узнать твою точку зрения». «Вы забыли? Я же сказала вам, что не верю именно в призраков. Только в НЛО, криптоидов и так далее, – сдержанно заметила она. – Просто... городок Минагиса щедр на истории о призраках, так ведь? Потому в свободное время я их ищу». «Тогда спрошу по-другому. Какими бы тебе хотелось, чтобы призраки были?» Девочка сделала глоток сока и уставилась в небо. Её влажные губы переливались на солнце. «Дайте-ка подумать... Я считаю, что призраки должны быть страдальцами, ненавидящими живых, разрушающими всё вокруг себя. Такими я бы хотела их видеть». «Почему?» «Если бы так и было, жизнь стала бы немножко ценнее, не думаете? – ответила она, всё ещё глядя в небеса. – Если окажется, что все призраки просто мирно наблюдают за живыми, то мне будет немного завидно, и я захочу присоединиться к ним». «Ах. Имеет смысл». Возможно, обрадовавшись тому, что я согласился с ней, девочка начала качать ногами под скамейкой. «Хотя, когда я подрасту, я могу выразить полностью противоположное мнение». «Чтобы поддержать себя перед приближающейся смертью?» «Именно, – улыбнулась она, сидя под зонтиком. – Вы хорошо понимаете чудаков вроде меня, мистер». «Я ничего такого не делаю, просто говорю так, как есть. Если мы понимаем друг друга, то ты, скорее всего, не чудака. Или, наоборот, я чудака». «Последнее. Без сомнения», – хихикнула она. «А, кстати, – сказал я, – забыл сказать. Не называй меня мистером. Мы одноклассники». Девочка уставилось на моё лицо.

«Я думала, что вы на два или три года старше, – промямлила она, блуждая взглядом. – ...Но

позвольте мне продолжать называть вас официально». «Позволяю, но почему?» Она отвела глаза: «Мысль, что я говорю с мальчиком моего возраста, напрягает меня настолько, что из меня вот-вот вылезет мой завтрак». Я не смог сдержать усмешки: «Понял. Будем считать, что я старше». «Замечательно, это очень поможет, – она закрыла глаза и вздохнула, а затем воодушевлённо заговорила, чтобы вернуть себе настроение. – Рассказывайте и вы, я хочу услышать вас, мистер». «Меня?» «Несправедливо с моей стороны всё время говорить. Расскажите мне что-нибудь». Я задумался. Я плохо умею рассказывать о себе. Я всегда жил, предполагая, что никого в себе не заинтересую, поэтому накопил гораздо меньше "пунктов о себе", чем нормальный человек. В конце концов, не найдя стоящих тем для освещения, я решил поговорить о том, что было у меня в голове прямо тогда. «Чуть позже ночью я пойду посмотреть на звёзды». «Ах, как волшебное. Это увлечение вам подходит». «Не, это не моё увлечение. Я просто согласился сопровождать».

«Хмм. Звучит весело, – сказала она и скучилась. – Полагаю, вы пойдёте с девушкой?»

«С девушками и парнем». «Как я и думала, так много друзей, – её плечи опустились. – Чувствую себя брошенной». «К сведению, считая тебя, на данный момент у меня всего друзей эдак пять, – объяснил я с болезненной улыбкой. – Эта группа смешанная. Я единственный, кто знаком со всеми из них, и я всегда надрываюсь, чтобы они ладили».

Девочка вгляделась в моё лицо. «Не похоже, что вам это нравится, мистер. Выматывает, не так ли?» «Да, смертельно». Её щёки тут же расслабились: «Потому что вы вошли в незнакомые владения. Хорошее чувство». «Расскажи мне о нём», – согласился я. Придя домой, я настроил радио на музыкальную станцию и продолжил читать книги, которые взял в библиотеке. Хотя окна были раскрыты и работали вентиляторы, этого было недостаточно, чтобы высушить мою рубашку от пота. После ужина я принял ванну и сразу же лёг в кровать. В час ночи меня разбудил будильник. Я медленно поднялся, быстро приготовился и вышел на улицу. Даже посреди ночи по дороге местами стрекотали цикады. Возможно, их запутал свет от фонарей и постоянная жара, и они решили, что сейчас день. Или, может, цикады, которые не могли издавать звуки днём, старались изо всех сил наверстать это сейчас. В последнее время я множество раз становился свидетелем феномена, когда цикады замолкали в самую жаркую часть дня. Думаю, это имеет смысл, и, видимо, даже цикады ненавидят экстремальную жару. Это лето определённо было ненормально жарким. В новостях докладывали о новых рекордах температур несколько дней подряд, и даже взрослые говорили, что это самое жаркое лето, которое они повидали. Осадки в сезон дождей также составляли меньше половины обычного, в стране возникла нехватка воды, и в некоторых местах по ночам отключали водоснабжение. Скорее всего, все машины скорой помощи, сирены которых я слышал, направлялись к людям, пострадавшим от солнечного удара. Немного пройдя в одиночестве, время от времени отбрасывая паутину, появляющуюся из ниоткуда, я подошёл к дому Юи Хаджикано. Как и ожидалось, Чигуса Огиэ уже ждала у ворот и легонько помахала мне, как только заметила. Она всегда покорно носила школьную форму на улице, но, вероятно, решив, что она будет выглядеть неожиданно в подобный час, сегодня надела платице в тонкую полоску. «Сегодня в обычной одежде, ха?» – указал я на это. Чигуса взволнованно потянула за рукав своего платья: «Не слишком странно?» «Нет. Тебе идёт».

«Ясно. Правда?» – улыбнулась она, слегка покачавшись вправо-влево. Пока мы с Чигусой говорили о наплыве жары, тихо открылась задняя дверь, и появилась Хаджикано. Она увидела моё лицо, затем взглянула на Чигусу. «Добрый вечер, Хаджикано», – улыбнулась Чигуса, и Хаджикано молча кивнула головой. Мы втроём направились к гостинице Масукава. Открыв дверь на крышу, мы увидели Юю Хинохару, который пришёл раньше и собирал телескоп. Заметив, что мы прибыли, он просто сказал: «Эй», – а затем обратился к Хаджикано: «Слушай, помоги мне с этим». Хаджикано встала рядом с телескопом, и Хинохара начал объяснять: «Так, в прошлый раз я научил тебя настраивать искатель (1). Справишься сама?» Она молча кивнула. Чигуса и я издали наблюдали за тем, как Хаджикано в тишине настраивала телескоп под наблюдением Хинохары. Чигуса глянула на

меня с непонятной улыбкой на губах. «Как думаешь, почему всё закончилось вот так?»
Да, почему всё пришло к этому? Я перетряс свои воспоминания, чтобы вспомнить, когда это всё началось.

□

Вернёмся к тому дню, когда мы с Хаджикано созвонились. Когда таксофон на пустой железнодорожной станции, на которой находилась Хаджикано, и телефон у меня дома начали трезвонить одновременно. Наконец получив возможность правильно поговорить с ней, я тогда высказал все те чувства, что копил в себе годами. Звонок прервался прежде, чем она смогла на них ответить, но теперь казалось, что наше резкое отношение друг к другу до некоторой степени смягчилось. Я узнал, что Хаджикано на самом деле не ненавидит меня, и дал ей понять, что не просто жалею её. Эти два события стали одним большим шагом вперёд.

Той же ночью, точно в 2 часа, я пришёл к Хаджикано домой. Выйдя из задней двери меньше, чем через пять минут, она увидела меня и остановилась. Я поднял руку и поприветствовал её, а она посмотрела на меня так, будто хотела что-то сказать. Но в её выражении не было той враждебности и ненависти, что и раньше. Может показаться, что она просто скрывала так своё смущение, но это как посмотреть. «Что ж, пойдём посмотреть на звёзды, как и обычно, – сказал я. – Как в ту ночь, когда был звездопад». Хаджикано мягко пожала плечами с изумлённым видом и, не ответив ни "да", ни "нет", пошла. Я впервые шёл к развалинам гостиницы, не следуя за ней, а рядом. Когда она села на стул на крыше и взглянула на небо, я вскользь спросил её: «Если тебе так нравится смотреть на звёзды, почему ты не пользуешься телескопом?» «Я хочу, – честно ответила она, – но он дорого стоит». «А, – кивнул я, затем вдруг кое о чём подумал. – На самом деле у меня есть приятель с довольно приличным телескопом». Конечно же, Хаджикано за это уцепилась: «...Правда?» «Да. Не хочешь позаимствовать его?» Она промолчала. Но если Хаджикано не отказывает тут же, обычно, как мне кажется, это означает согласие. Молчание – это лишь её способ реагировать в ответ. «Ладно, положишься на меня. Я подготовлю всё к завтрашней ночи». Я не слишком-то в это верил, чтобы говорить честно, но, увидев две падающие звёзды, Хаджикано так тихо, что практически не было слышно, произнесла вслух:

«...Спасибо». «Не за что, – я низко-низко наклонил голову. – Я не ожидал благодарности. Я должен записать это в свой дневник, когда вернусь домой». «Хм».

Хаджикано недовольно отвернулась. На следующее утро, потирая заспанные глаза и шагая под палящим солнцем, я зашёл к Хиохаре. Цветы, стоящие в горшках под навесом магазина, пожухли все без исключения. Только синие и пурпурные бутоны ипомей, обвивающих оконные решётки, казались здоровыми. Зашпаклёванные стены давным-давно никто не красил, и они сплошняком были исчерчены тёмными трещинами. Входная дверь со свисающим бумажным фонариком гласила: "Бар", а на белой электронной вывеске тёмно-синими буквами было написано его название: "Рёв Морей". Уличный кондиционер над окном второго этажа издавал специфический громкий шум. Было ещё только десять, и цикады звучали сдержанно. Я открыл скрипучую калитку, подошёл к двери с жилой стороны здания и позвонил в звонок. Досчитал до тридцати, затем позвонил снова, но никто не отвечал. До меня донёлся знакомый шум двигателя позади дома. Я пошёл проверить и обнаружил Хиохару в тесном грязном гараже, возящимся со скутером. Скорее всего, он менял масло: рядом с ним стояла банка из-под него, коробка с гаечными ключами и открытая бутылка воды.

«Нужна помощь?» – спросил я. Хиохара обернулся и вылупил глаза, когда увидел меня: «Охх, Фукамачи! Редко ты заходишь. ...Вероятно, пришёл отомстить за то, что произошло три дня назад?» «Неплохая идея, – я подобрал из угла разводной ключ и сжал его в ладони, – но я сегодня по другому делу. Хиохара, если я правильно помню, у тебя есть телескоп?» «Да, есть. А что?» «Мне нужно позаимствовать его ненадолго». Он вытер рукой пот со лба.

«Не ожидал. Послушай, это ты так насмехаешься над моими увлечениями, что проявил интерес к астрономии?» «Не помню, чтобы насмеялся над ними. И в астрономии заинтересован не я. Кое-кто, кого я знаю, любит смотреть на звёзды». Хинохара посмотрел на меня с приоткрытым ртом. «Прости, но я не намереваюсь отдавать его. Он дорого стоит, поэтому я не позволю каким-то невежам-любителям прикасаться к нему». На этом он вернулся к работе. Он остановил нагревшийся двигатель, надел виниловые перчатки, открутил дренажный болт и поймал капающее масло бутылкой. Слив старое масло, он затянул болт, открыл крышку масляного насоса и залил из банки новое. Затем закрыл её, завёл двигатель и снова дал ему немного поработать. Я много раз помогал ему с этим в средней школе, поэтому хорошо выучил процесс. «Мне он очень нужен. Я отплачу тебе. И забуду о том дне. Я буду относиться к нему с особой осторожностью, чтобы не сломать». «Ты знаешь, как им пользоваться?» «Я сегодня же начну учиться». «Приходи ко мне после того, как научишься». «Мне срочно. Пожалуйста, я серьёзно». «Нетипично для тебя так выпрашивать, – полюбопытствовал Хинохара. – В этом замешана женщина?» «Это как посмотреть», – невнятно ответил я. «Ещё на причину больше, чтобы не давать его тебе. Я не хочу, чтобы мой драгоценный телескоп использовали, просто чтобы привлечь женское внимание». Я пожал плечами: «Девушка, перед которой я в долгу, сейчас совершенно подавлена. Она обычно запирается в комнате, но ночью выходит, чтобы увидеть звёзды. Видимо, она чувствует себя спокойно, только когда смотрит на ночное небо. Я хочу помочь ей преодолеть её состояние». Хинохара заглушил двигатель, снял крышку с насоса, протёр её тряпкой, затем вернул на место и проверил количество масла. Убедившись, что его достаточно, он затянул крышку и снял перчатки. Отведя скутер в заднюю часть гаража, он взял складной столик, прислонённый к стене, и поставил передо мной. Встав на колени перед деревянной столешницей, покрытой вмятинами, он закатал рукава и выставил руку.

«Правила просты, – произнёс Хинохара, – давай решим через армрестлинг. Проведём столько раундов, сколько захочешь. Если ты победишь хоть единожды, тогда я одолжу тебе свой телескоп». «Армрестлинг? – повторил я. – Как будто у меня есть шанс выиграть».

«Телескоп одалживаю только я. Какой смысл давать тебе преимущество?» «Правила всё ещё ко мне несправедливы. Я пролежал в больнице с выпуска и до прошлого месяца. У меня всё тело ослабло». «Тогда сдайся. Я не собираюсь менять свои условия». Я неохотно встал на колени перед столом и снова взглянул на его руку: и плечо, и предплечье в хорошей форме. Он регулярно их разрабатывает, поэтому они прилично натренированы. Он никогда не занимался в секциях, но в многочисленных физических состязаниях занимал первые места. У меня не было и шанса на победу. И всё-таки я не мог сдаться, даже не начав. Я положил локоть на стол и взял ладонь Хинохары.левой же рукой я схватился за угол столешницы.

«Ты готов?» – спросил Хинохара, и я кивнул. По его сигналу я вложил все силы в правую руку. Она не сдвинулась с места. Без преувеличения, ни на миллиметр. Будто бы его локоть был прикручен шурупами. Хинохара нахально улыбнулся мне. Я только чуть надавил на его запястье, а моё сразу выгнулось. Он же довёл дело до конца одним движением. «Одна победа», – начал он счёт. Вся моя рука онемела, и пот лился с тела градом. «Ну что, второй раунд?» – спросил он. После десяти раундов моя правая рука стала непроизвольно трястись, и мне плохо удавалось двигать кончиками пальцев. Локоть болел, будто охваченный огнём, и всё от плеча и ниже казалось невообразимо горячим. Только кисть начала слушаться, я упрямо поставил локоть на стол. Хинохара, убеждённый, что победит, холодно разговаривал со мной в разгар матча. «Где вы с ней познакомились?» «С кем?» – поднял глаза и спросил я. Пот со лба скатывался по щеке и шее. «Девчонка, которую мы вовлекли в разборки с Ногиамой три дня тому назад». Я попытался внезапно атаковать, пока он говорил, но он предсказал это и тут же оттолкнул меня с ещё большей силой. Я цокнул языком, и затем ответил ему: «Огиэ? Она просто одноклассница. Она сидит рядом со мной». «Ты идёшь смотреть на звёзды посреди ночи с "просто одноклассницей"?» «Звёзды? – я повернул шею. – Ох, Хинохара, у тебя сложилось впечатление, что я иду любоваться звёздами с Огиэ? Она здесь

совершенно ни при чём. Я занимаюсь этим с другой девушкой...» Как только я это произнёс, напряжение его руки внезапно ослабло. Я не был уверен, что происходит, но заметил это и использовал все оставшиеся силы, чтобы уложить его руку. Хинохара ненадолго уставился с любопытством на своё предплечье, которое отказалось работать посреди матча. «...Обещание есть обещание, – он почесал в затылке. – Ладно, хорошо. Я не хочу этого, но одолжу тебе свой телескоп». «Спасибо», – сказал я, вытирая пот с бровей и массируя всю правую руку. «Но у меня есть условие. Если не примешь, мы вернёмся к тому, с чего начали». «Я приму все условия, – ответил я. – Какое?» «Когда будешь использовать телескоп, придётся звать меня». «...Ох, попрдержи коней. Это проблематично, – потряс я головой. – Я выучу, как им пользоваться, поэтому не нужно меня сопровождать, пожалуйста». «Ни за что. Я не позволю». «Парень вроде тебя напугает её, Хинохара». «Если она дружелюбна по отношению к тебе, Фукамачи, то и ко мне тоже будет». «Я с ней давно знаком. Ты – не настолько». Спор продолжался до полудня, и Хинохара совсем не собирался уступать. Поэтому я решил взять у него телефон и позвонить домой к Хаджикано. На телефон ответила её старшая сестра Ая. «Не могли бы вы передать трубку мисс Юи? Если вы скажете, что это насчёт телескопа, она выйдет из комнаты». «Насчёт телескопа? – повторила Ая, но для неё это ничего не значило. – Ну да какая разница. Я не понимаю, но раз ты так говоришь, Ёччан, то попытаюсь. Погоди секунду».

Меньше, чем через минуту, Хаджикано подошла к телефону: «...Она передала». «Для начала хорошая новость, – начал я. – После некоторых пререканий мне позволили позаимствовать телескоп. ...Однако плохая новость такова, что его владелец не позволит им пользоваться без него. Это не значит, что он плохой или что-то вроде, но я откажу ему, если ты не согласишься, Хаджикано. Так что ты хочешь?» «Если он одолжит телескоп, мне всё равно», – просто ответила она. «Ты правда уверена? – надавил я. – Разве это место для тебя не особенное? Ты не против, что о нём узнают чужаки?» «Я не слишком задумываюсь об этом. К тому же, ты уже знаешь о нём, Ёсуке». «...Ну, ээ, и правда». Ошеломлённый тем, что Хаджикано смягчилась намного быстрее, чем ожидалось, я внезапно кое-что понял.

«Если всё с этим в порядке, то могу я взять с собой другую девушку? Тебе может быть некомфортно с двумя парнями, так?» В ответ Хаджикано промолчала, ни высказывая согласия, ни возражая. «У тебя ведь в Средней школе Митсубы была одноклассница по имени Чигуса Огизэ?» – спросил я. «Может быть», – ответила она. «Я подумываю привести её. Ты не будешь против?» После другой длинной паузы она произнесла: «Это не имеет значения». «Тогда я попробую её пригласить. Жди меня сегодня ночью в 2. Увидимся». Напоследок Хаджикано ласково пробурчала: «...Спасибо». «Не за что», – и я отключился. «Решено, – вставил Хинохара, заметив, что я закончил звонить. – Итак, что насчёт места?» «Помнишь гостиницу Масукава? Мы пойдём туда смотреть на звёзды с крыши». «Аа, "Развалины с красной комнатой". Тусовался там с компанией в средней школе, – кивнул он, охваченный ностальгией. – Но почему в такое опасное место?»

«Видимо, Хаджикано оно нравится». «Какого чёрта? Странная девка, – он откинул голову. – Ох, ладно. Просто быть на крыше Масукавы к двум, да?» «Да. Надеюсь, так ты и сделаешь». «Конечно. Обещание есть обещание». Распрощавшись с Хинохарой, я позвонил Чигусе с ближайшего телефона-автомата. Я не мог поднять правую руку после армрестлинга, поэтому осторожно набирал цифры левой. «Алло?» – сказала Чигуса из телефона. «У тебя сейчас есть время?» – спросил я. «Фукамачи? Это Фукамачи, так ведь? – её голос немного зажёгся. – Конечно у меня есть время. Что тебе нужно?» «У меня к тебе ещё одна просьба, Огизэ». «Просьба... касательно Хаджикано, я полагаю?» «Да-а, ты всё правильно поняла, – предчувствуя, что попытки утаить возымеют противоположный эффект, я честно объяснился. – Я планирую этой ночью сходить с ней посмотреть звёзды, но кое-что произошло, и с нами вместе навязался парень по имени Хинохара. Однако я уверен, что Хаджикано будет неудобно с двумя бывшими хулиганами. Думаю, ты сможешь разрядить атмосферу. Поэтому и позвонил». «Другими словами, я прикрытие, чтобы сблизиться с

ней?» «Ничего не могу поделать, если ты так это воспринимаешь. Но мне некого больше просить. Конечно же, ты можешь отказать, если хочешь». Чигуса глубоко вздохнула: «...Ну, это я сказала: "Если смогу с чем-нибудь помочь, дай знать". Хорошо, я тебе посодействую».

«Спасибо. Я у тебя в долгу». «Играешь с чужой любовью... Ты прирождённый плохиш, Фукамачи, – игриво заметила она. – Но, пожалуйста, не забывай, что я тоже плохой человек, как и ты. Если будешь беспечен, я просто украду тебя у Хаджикано». «Я осознаю этот риск. Буду осторожен». «Нет, нет. Прошу, будь беспечным, – отшутилась Чигуса. – Когда и где встречаемся?» «Жди у её дома в 2 ночи. Я приду забрать вас». «Понятно. Жду с нетерпением». «Ты сможешь сбежать, чтобы родители не заметили?» «Я буду в

порядке. Просто моим папе и маме даже в страшном сне не приснится, что я выйду ночью на улицу». Я положил трубку и направился к маленькой местной библиотеке, взял книгу о работе с телескопом и пробежался по всему. Я прилежно читал около двух часов или вроде того, но все эти прежде не виданные мною астрономические термины и поперечные сечения всяких линз невероятно нагоняли скуку, и я заснул, не осознавая того. Когда же я проснулся, снаружи было пасмурно. Я пошёл домой, поужинал с матерью, лёг на кровать и снова продолжил читать книгу. Тот короткий сон позволил мне выйти из дома вовремя. Встреча Хаджикано и Чигусы, корень моих волнений, прошла спокойнее, чем я думал. Пока Хаджикано пыталась спрятаться за моей спиной, Чигуса очень естественно говорила с ней. «Давно не виделись, Хаджикано». Она кивнула, сжав и вытянув губы. Этот кивок не был равнодушным, а скорее нервным, и оказался надлежащим ответом на приветствие Чигусы.

«Я не ожидала встретиться с тобой подобным образом. Никогда не знаешь, как повернётся судьба». Если подумать, те три месяца, что я был в больнице, Чигуса и Хаджикано, скорее всего, часто виделись, потому как первая сидела позади последней. Насколько я знаю, Хаджикано не была враждебно настроена к Чигусе. И я не чувствовал, чтобы Чигуса с ней конфликтовала. Возможно, между ними возник некий резонанс, вызванный, хоть и в разной степени, отсутствием у них дружелюбия к одноклассникам. Хинохара пришёл на развалины рано, чтобы собрать телескоп, поэтому его встреча с Хаджикано ненадолго отложилась. По его словам, линзе и отражателю нужно некоторое время, чтобы адаптироваться к ночному воздуху, и если не позволить им приспособиться к уличной температуре за один-два часа до наблюдения, изображение будет искажено. Настраивать искатель в светлое время тоже оказалось проще. Так случилось, что гостиница Масукава была Хинохаре знакома, так что с тем, что он придёт раньше, не возникло проблем. Меня больше волновало, не отвергнут ли Хинохару остальные двое. Обычно он грубит даже тем, кого впервые встретил, или даёт им ужасные клички – в общем, он обладает потрясающей способностью зарабатывать чужое презрение. Мне нужно не сводить от него глаз, чтобы защитить Хаджикано и Чигусу от его простодушной озлобленности. Только-только я пришёл на развалины и уже приготовился к встрече этих троих. Хотя если ничего не случится, то и замечательно. Мне также пришлось сопровождать Чигусу, которая не была знакома с развалинами, поэтому я захватил фонарь, чтобы осветить этажи, и продвигался максимально осторожно. На крыше я его выключил и позвал Хинохару, который закончил собирать телескоп: «Прости, что заставили ждать». «А, вы здесь», – он затушил сигарету и кинул окурки в пустую банку. Поднявшись и взяв в руки электрический светильник, он направил его на наши лица. Его свет, пока наши глаза ещё не привыкли к нему, казался тусклым, будто он вот-вот потухнет. Сперва Хинохара испытующим взглядом посмотрел на лицо Чигусы. Легкая улыбка в пару мгновений смылась с его губ. Его глаза блуждали: он осматривал его так, будто на нём было начертано важное послание. «Юуя Хинохара, – произнёс он, с деланным уважением протягивая правую руку. – Я был лучшим другом Фукамачи в средней школе». «Я Чигуса Огизэ», – сказала Чигуса, неуверенно пожимая его ладонь. Неудивительно, что она боится, думал я. Она воспринимала его как "одного из тех, кто тогда окружил Фукамачи, чтобы побить его". Я прошептал ей на ухо: «Нечего бояться. Он неплохой парень». «Верно, неплохой, – повторил Хинохара. – Даже если я и плох, то ровно настолько же, насколько и Фукамачи». «Раз так, тогда мне легче», –

она улыбнулась, но её напряжение не спало. Затем Хиохара поднёс светильник к лицу Хаджикано. Я задержал дыхание и смотрел. Он грубо взглянул на родинку. «Гадкий синяк. Как в "Призраке Ёцуи (2)"». Если бы он вставил ещё что-нибудь непредусмотрительное, я, может, и врезал бы ему рефлекторно. Но прежде, чем я сжал кулак – может, как раз, чтобы удержать меня от этого – Хаджикано спокойно ответила: «Да. Гадкий, так?» «Без преувеличения», – подтвердил он, а после осмотрел другую сторону её лица, без родинки.

«Опять же, у тебя хорошенькое личико, – Хиохара почесал подбородок. – Не могу сказать, красивая ты или уродина. ...Эх, а вообще, особой разницы нет». Глаза Хаджикано сузились от направленного на них света. Кажется, её не задела и не ранили его комментарии. На самом деле она, вероятно, даже оценила то, что он не жеманничал с ней. Может, люди с сильным комплексом неполноценности могут удивительно хорошо сойтись с открытыми людьми вроде Хиохары. Это и послужило причиной того, что в средней школе я решил объединиться с ним.

Чигуса приблизилась ко мне лицом: «Хиохара тоже интересный тип». «Без сомнений. К лучшему или к худшему». «Кроме того, он немного напоминает тебя». «Хиохара – меня?» – спросил я с удивлением. «Да. Вы даже примерно одного веса, и у вас глаза одинаковые. И, должна сказать, вокруг вас витает похожая атмосфера». «Хех. ...Не рад я слышать такое». Чигуса ободряюще хлопнула меня по спине: «Всё нормально, ты круче».

«И на том спасибо». В любом случае, самое большое сомнение развеялось. Мы четверо, казалось, не были полностью несовместимыми. Очевидно, у Хаджикано, как и у Чигусы, не возникало никаких негативных чувств к остальным. Тогда-то я вдруг посмотрел на себя объективно и вновь удивился: если задуматься, то я пытаюсь наладить отношения между друзьями. Впервые в жизни я смог выполнить сей долг. Кто бы мог подумать, что роль, которая обычно достаётся самой выдающейся личности в группе, достанется именно мне. Сперва мы наблюдали за Сатурном. После того, как Хиохара отрегулировал телескоп, Хаджикано, Чигуса и я посмотрели в него по очереди. «Если бы вид был чуть получше, можно было бы разглядеть щели между кольцами», – сказал Хиохара. Вспомнив книгу, которую читал до выхода, я предположил, что он, вероятно, имел в виду деление Кассини. Кольца Сатурна можно воспринимать не как одно толстое, а как множество маленьких, сливающихся в три полосы, и эти три кольца, составляющие основное, зовутся кольцами А, В и С. А огромная щель между А и В называется делением Кассини. Чтобы не побеспокоить Хаджикано, которая смотрела в телескоп, мы сели в нескольких метрах от неё и стали тихо разговаривать. «Так подумать, а ведь я никогда не спрашивал, почему ты увлёкся астрономией, Хиохара». «Почему? – Хиохара задумчиво закричал, лёжа смотря в небо. – Как бы выразиться... В моём случае любовь к телескопу появилась до звёзд». «В смысле?» «Ну, например, человека не цепляют фотографии, а просто нравится структура камеры. Не волнует музыка, но приятен вид лампового усилителя. Заботит не вкус кофе, а процесс шлифовки зёрен и процеживание. Вроде того. Меня всегда прельщала идея ухаживать за телескопом и настраивать его». «Но это же не будет продолжаться долго, верно? Какое-то слишком нудное увлечение, если честно». «В этом и прелесть. Ты и я видим через телескоп одно и то же, но это имеет для нас совершенно разный смысл. Рыба, которую ты поймал самостоятельно, тоже кажется вкуснее. Твой мозг облагораживает результат, учитывая те огромные усилия, что ты приложил. И как только ты увидишь, что без того прекрасные планеты и звёзды стали ещё красивее, ты можешь стать прямо-таки рабом астрономии». «Замечательная точка зрения. Не могу поверить, что слышу её от тебя, – сказал я шутя, однако не лгал о том, что был впечатлён. – Кстати, я хотел спросить твоё мнение насчёт кое-чего... Почему, ты думаешь, Хаджикано нравятся звёзды?»

«Хаджикано? А, той девчонке с родинкой, – Хиохара привстал и посмотрел на её спину, пока она увлечённо вглядывалась в телескоп. – Ну, возможно, этот ответ очевиден, но ей, вероятнее всего, тьма вокруг нравится больше звёзд». «...Ясно». Логичная догадка. После появления родинки ей больше нравилась темнота, и в попытке отыскать в ней удовлетворение она наткнулась на звёзды. Полагаю, в Хаджикано что-то такое точно есть. Конечно, если её интерес к звёздам появился задолго до родинки, ответ Хиохары охватывает

лишь один из многих факторов, поспособствовавших её симпатии к ним. «Разумеется, если докопаться, причины "любить" что-то появляются потом, – добавил Хинохара. – Люди, которым нравятся звёзды, просто родились такими, ничего более». «Дельные вещи говоришь», – согласился я. После Хаджикано в телескоп посмотрела Чигуса и вскрикнула: «Ва! Фукамачи, Фукамачи, это просто потрясающе!» Поторапливаемый Чигусой, я тоже встал перед телескопом и заглянул в линзу. Одинокая сфера парила во тьме, окружённая гигантскими кольцами. Эти очертания, единственные в своём роде, узнает даже детсадовец.. Когда вот так вот смотришь на них – реальных, – кажется, будто это чья-то неудачная шутка. Может ли штуковина столь нелогичной формы существовать в нашем мире? Я мог смириться с этим, потому что знал, что Сатурн именно такой, но как бы был озадачен человек, который ничего о нём не знал и вдруг увидел бы его? Пока я был ошеломлён видом Сатурна, сзади заговорил Хинохара: «Наблюдая, как ты вот так смотришь в телескоп, я вспоминаю ту ночь в нашей классной поездке». «...Ты гадок, как и всегда», – тихо ответил я. «Вы о чём?» – конечно же, Чигусу эта история заинтересовала. «А, ничего особенного, – оживился Хинохара. – Это было в открытой бане в местечке, куда мы отправились с классом на третьем году. На третью ночь выяснилось, что из нашей комнаты, наклоняясь, мы можем через бинокль наблюдать за лестницей, соединяющей внутреннюю женскую баню с открытым источником. На следующий день мы прямо там купили несколько биноклей и всю ночь в них пялились. Да, Фукамачи?». «Хмм... Так Фукамачи и таким занимается», – Чигуса посмотрела на меня презрительно и в то же время дразняще. «И что? Если бы я был единственным, кто не смотрел, это было бы в разы страннее, – стал оправдываться я, а затем контратаковал. – Знаешь, Хинохара, у тебя есть привычка подшучивать надо мной в компании девушек». «Ты неправильно понял, – повторил Хинохара без промедления. – Мне просто нравится тебя дразнить». «Как по-дружески», – усмехнулась Чигуса, прикрывая рот ладонью. Хинохара и я пожали плечами, будто говоря: «Мы подумаем». Затем все трое повернулись к Хаджикано, которая была всё ещё прикована к телескопу и неустанно наблюдала за Сатурном. «Ей настолько нравятся звёзды?» – спросил меня Хинохара, понизив голос так, чтобы она не услышала. «Ага. Она приходит сюда каждую ночь, чтобы просто посмотреть на них». «Каждую ночь? Ты уверен, что у неё нет другой цели?» «Нет, никакой. Могу уверить тебя». «Хех. Стрёмная девка», – Хинохара уставился на её спину, будто пытаясь в чём-то удостовериться. «Эй, призрак Оивы, – обозвал он Хаджикано, – ты там не устала ещё от Сатурна?» Она оторвала взгляд от линзы и потрясла головой в сторону Хинохары: «Не устала». «А, да? Ну а я устал. Поэтому хочу, чтобы сейчас ты навела телескоп на Луну. Знаешь, как это делается?» «...Может быть». «Лады, начинай. Скажи мне, как получишь хорошую картинку её поверхности». Хаджикано склонила голову и стала осторожно возиться с телескопом. «Ну, ты правильно управляешься с искателем. Продолжай в том же духе», – радостно заметил Хинохара. «Ты говорил, что ни за что не позволишь невежественным любителям к нему прикасаться, а теперь позволяешь девушке, которую только что встретил, вертеть его в руках, – заметил я. – Ну да хватит». «Всё в порядке, она не ломает его», – с уверенностью произнёс Хинохара. «Ты в курсе, что я тоже работал над этим. Даже выучил, как читать звёздные карты». «Хороший знак. Но я не могу доверять тебе, потому как твои мотивы неясны». Хинохара, кажется, терял терпение, наблюдая, как Хаджикано тратит своё время, поэтому встал с фонариком, замотанным в красный целлофан и начал давать ей инструкции: «Тупица, сначала нужно использовать окуляр с малым увеличением. Только когда ты выстроишь фокус, можешь брать увеличение побольше». «Я не знаю, как менять окуляр», – объяснилась Хаджикано. «Тогда спросила бы меня. Или ты дура?» «...Как мне это сделать?» – нервно спросила она. Мы с Чигусой наблюдали, как те двое возятся с телескопом, со стороны. «Люди, которые разбираются в том, что тебе нравится, замечательны», – шепнула она. «Ага. Я не могу настолько углубиться во что-то одно, – заметил я. – Может, я не слишком уверен в своих увлечениях». «Мне знакомо это чувство. Я жду, что однажды устану и разочаруюсь, и прилагаю меньше усилий в качестве мер

предосторожности». У меня ёкнуло сердце, когда я посмотрел, как Хинохара надоедал Хаджикано с советами и она слепо им следовала. Странное ощущение, которого я прежде не чувствовал. Тогда я не осознавал, что это была так называемая ревность. Может, я испытывал её из-за своего комплекса неполноценности, однако я настолько от себя отказался, что не сравнивал себя с остальными и жил, никогда не завидуя особенным людям. В результате я даже не знал, как назвать это чувство, которое испытал впервые. Я ощутил смутный тревожный звоночек. Я решил, что, вероятно, открыл дверь, которую не следовало открывать.

И этот звоночек исходил из недалёкого будущего. «Фукамачи, что случилось?» – взволнованно спросила Чигуса, когда я замолчал. «Ничего. Просто непонятное чувство».

«Ясно. ...Это странно». Хаджикано обернулась, чтобы окинуть нас взглядом, и вернулась к телескопу. Около 4-х часов утра, когда небо начало розоветь, мы ушли с развалин. Непримечательно попрощавшись, мы разошлись по своим домам. И всё же, благодаря некоторому странному сближению звёзд – или, скорее, сближению, вызванному звёздами – я, Хаджикано, Чигуса и Хинохара стали собираться на развалинах каждую ночь, будто нас туда звали. Самым неожиданным было то, что Хинохара продолжал приносить и собирать телескоп на крыше гостиницы, даже если его никто об этом не просил. Конечно, я допускаю, что он делал это не из добрых намерений, а, вероятнее всего, чтобы оправдать встречи с Чигусой. Я не знал, насколько серьёзен он был, но Хинохаре явно она нравилась, и он всё пытался добыть из меня информацию о ней (от чего я всегда уклонялся). Как сказала Чигуса, её еженочные посещения были направлены на то, чтобы мы с Хаджикано не оставались наедине. Однажды, когда Хаджикано и Хинохара были сфокусированы на телескопе, я спросил её, почему она продолжает приходить. Она недовольно посмотрела на меня и легонько ударила лбом о моё плечо. «Разве не очевидно, что я хочу, чтобы ты не встречался с Хаджикано втайне? – бесстрашно произнесла она. – Неужели ты даже не догадываешься?» «...Я всё хотел спросить. Что именно ты во мне нашла? – задал я ей вопрос. – Если честно, для меня это загадка». «Подумай об этом сам, негодяй», – и Чигуса отвернулась. Таким образом, Хаджикано, имевшая первостепенное значение, была единственной, кого никто не спрашивал, зачем она каждую ночь приходит на крышу. Я считал, что то, что она приняла нас, троих незваных гостей, было связано лишь с телескопом. Но позже я взглянул на это по-другому. Не исключено... Может быть... Возможно.

Вероятно, Хаджикано была заиклена не на телескопе, а на Хинохаре. Я начал так думать после некоторого случая, произошедшего в первые дни нашего любования звёздами. Я был с Чигусой, со стороны наблюдал, как они возятся с телескопом. Хаджикано быстро заняла роль ассистента Хинохары: следуя его инструкциям, меняла линзы, настраивала искатель, сверялась с картами звёздного неба и не выражала никакого недовольства. Видимо, Хаджикано были приятны эти задания, а Хинохара поверил, что она любит астрономию, и свободно позволял ей трогать телескоп, что запретил бы любому другому. Когда Хинохара закончил готовиться и позвал нас, вдалеке внезапно раздался шум автомобильного двигателя. Хинохара поднял палец, чтобы призвать нас к тишине, и, прикрыв глаза, прислушался. «Он исходит оттуда, – охнул он. – Я могу сказать по звуку двигателя. Возможно, это парни, которые тусуются на горном перевале. Они могли поехать сюда на спор или вроде того». Он был абсолютно прав. Чуть позже вблизи здания двигатель замолк, и мы услышали, как кто-то заходит и закрываются двери. Судя по голосам, там было трое парней лет двадцати. Кажется, они направлялись к нам. «Надо бы спрятаться, – предложил я. – Мы же не хотим драку с теми тремя?» «С нами две дамы, – Хинохара посмотрел на Хаджикано и Чигусу и почесал голову. – Всё, ладно. Фукамачи, давай-ка спрячь их. В помойном контейнере, в мусоросжигателе – где-нибудь. Между тем я уберу телескоп». «Понял, – кивнул я. – Хаджикано, Огизэ, за мной». Чигуса повиновалась, но Хаджикано просто стояла, задумавшись. «Хаджикано, скорее», – сказал я, пытаясь схватить её за руку. Но её ладонь ускользнула, и она подбежала к Хинохаре, чтобы помочь разобрать телескоп. Может быть, Хаджикано подумала, что будет эффективнее поискать место, чтобы спрятать всех четверых,

после того, как телескоп будет убран. Полагая, что не помешает Хинохаре, она тут же решила помочь ему в разборке, проигнорировав меня. Вполне целесообразная точка зрения. И всё же, даже зная это, я ощутил неопишное беспокойство, когда она выскользнула из моих рук и устремилась к Хинохаре. Мне казалось, что этот поступок являлся чем-то большим, чем кажется. В конце концов те проспорившие парни на крышу даже не заходили: они шлялись по первому этажу и, разбив пару окон, через тридцать минут свалили. Ожидая, пока они уйдут, мы задержали дыхание, спрятавшись за надстройками на крыше. Как только машина уехала за пределы слышимости, мы выдохнули с облегчением и вылезли, потягиваясь. Мы странно развеселились, избавившись от давления, и я, Хинохара и Чигуса рассмеялись. Лицо же Хаджикано казалось чуть менее строгим, чем обычно. С того дня я начал втихомолку наблюдать за Хаджикано, когда она общалась с Хинохарой. И я увидел, что с ним её выражение становилось расслабленным чаще, чем со мной. Догадавшись об этом, я продолжил искать доказательства тому, что она по-особенному смотрит на него. Он будто пленил её. Даже кто-то вроде меня, отрезанный от человеческих чувств, мог сказать, как благосклонно она к нему относится. Рядом с ним она тут же начинает больше улыбаться, а когда он уходит – явно мрачнеет. Постепенно её действия стало проще понимать. Когда мы любовались на крыше звёздами, она всё бегала за Хинохарой. Я не был уверен, любовь ли это или дружба между любителями астрономии. Но, как минимум, Хаджикано было значительно веселее слушать о ней от Хинохары, чем находиться наедине со мной. Как только я это заметил, в глазах у меня потемнело. Каждый раз, когда я видел, как они болтают друг с другом, мой пульс не унимался, и меня переполняло отчаянье, будто бы я опускался на дно морское. Это точно не "Русалочка" Андерсена? Из любви к Хаджикано я балансирую между жизнью и смертью, чтобы убрать своё родимое пятно, но пока я пытаюсь вытащить её из затруднительного положения, другой человек получает всё внимание. Много совпадений с судьбой русалочки, обретшей человеческое тело, полюбив принца, славу за спасение которого у неё забрала другая женщина. Но я был не в силах винить Хинохару. Непохоже, чтобы он пытался ввести Хаджикано в заблуждение. Ему просто приглянулась девушка, которая разделяла его интерес к звёздам, и он просто радушно исполнил её мечту. Также благодаря звёздам мы с Хинохарой восстановили прежнюю дружбу, что и в средней школе. Мне гадко было признавать это, но даже мне он нравился. В конце концов, Хинохара знал меня как облупленного, а я – его. И это я свёл этих двоих, которые в ином случае никогда бы не встретились. Я посеял это семя. Мне очень хотелось вернуть себе Хаджикано, но, глядя на то, как она горячо слушает Хинохару, я решил, что только мешаю. Мои усердные попытки разнять их только опечалат её. Я ходил в библиотеку почти каждый день, лишь бы нагнать его знания в астрономии, но натаскивание не помогло. Наоборот, чем больше я узнавал, тем лучше осознавал, насколько обширны его познания. Одна слабая надежда – Хинохару пленяла Чигуса, а не Хаджикано; но мысли об этом как о спасении казались мне жалкими. Когда я обнаружил, что только и мечтаю, чтобы Чигуса ответила на его чувства, мне захотелось под землю провалиться от стыда. Из всех четверых, собиравшихся на крыше, у меня возникали самые грязные мысли. Конечно, теперь у меня нормальная внешность, но разум остался уродливым вне всякого сравнения. Когда у меня была моя родинка, всё было иначе. Только почувствовав, что получил что-то, я стал жаден, и эта жадность привела моё сердце в смятение. Сидя рядом с Чигусой и потягивая чай со льдом, который она приготовила, я посмотрел на Хаджикано и Хинохару, стоявших по обе стороны от телескопа и глубоко вздохнул. «Всё не так уж и хорошо сложилось, в самом деле», – вставила Чигуса, словно понимая, о чём я думаю. «Ага. Не так уж хорошо», – бессвязно пробормотал я. «Все шестерёнки вышли из строя. Вот бы какой-нибудь *deus ex machina*(3) явился и починил их». «Ага. Мне нужно только изменить направления двух стрелок». «Двух?» – склонила она голову, не ведая о том указателе, что был направлен к ней от Хинохары. «Почему всё должно быть именно таким?» – пробурчал я сам себе. «...Пока ты неудовлетворён, Фукамачи, эти отношения мне нравятся, – ответила Чигуса. – Конечно, главнейшая причина в

том, что так я могу быть с тобой. Но она не единственная. Почему-то, когда мы вместе все четвером, это кажется вполне естественным». Я на некоторое время призадумался, а затем произнёс: «Да, не хочется это признавать, но я чувствую то же самое». «Правда? – улыбнулась она. – Кто знает, сколько ещё это будет продолжаться, но мне хорошо. Я молюсь, чтобы это продолжалось как можно дольше. Но да, если ты выберешь меня, это уже будет другая история». Каждый раз, когда Чигуса заявляла о своей привязанности, моё сердце болело. С одной стороны, я не мог предстать перед её чувствами, но, более того, меня колола вина за то, что тот "я", которого она любит, не настоящий, поэтому у меня возникало чувство, будто я дурачу её. «Эй, Огиэ». Не в силах вынести этого, я исподволь спросил её. Или признался, может. «Если Фукамачи, на которого ты смотришь сейчас, окажется подделкой, что ты сделаешь? Если в одно мгновение моё лицо станет в разы уродливее, думаешь, ты продолжишь так же относиться ко мне?» Чигуса уставилась на меня, склонив голову. «А, возможно, ты имеешь в виду родинку? – вскользь упомянула она. – Если бы я настолько тебя ненавидела, то с самого начала не полюбила бы тебя. На самом деле, если ты вернёшься с родинкой, это только ослабит конкуренцию». Видя, что я слишком изумлён, чтобы сформулировать ответ, Чигуса рассмеялась, будто это была шутка. «Ты думал, я настолько неосведомлена о тебе? Пойми, я хочу знать о тебе ровно столько же, сколько ты хочешь знать о Хаджикано». «...Мне уже надоело моё невежество». Я упёрся руками в пол и уставился в небеса. Чигуса заметила это, и даже я немного понимал. Это не продлится слишком долго. В недалёком будущем конец неминуемо наступит. 7-го августа было новолуние. Направив в небо бинокли, на Млечный Путь между Вегой и Альтаиром (4), мы могли наблюдать скопления звёзд и туманности. Ночью 12-го августа, не взяв с собой ни телескопа, ни биноклей, мы взобрались на самый высокий холм в городе и улеглись на землю, чтобы посмотреть на метеорный поток Персеиды. Тот самый, который говорил не пропустить завуч по воспитательной работе, Эндоу. С 1991-го по 1994-й года из-за влияния возвращающейся родительской кометы Свифта-Таттла, Персеиды устанавливали рекордную плотность намного выше среднего. Ночью 12-го числа они достигли своего пика, и в среднем мы наблюдали порядка 50-ти падающих звёзд в час. А ведь некоторые люди за всю свою жизнь столько не видели, думал я. Добродушная улыбка смотрящей на звёзды Хаджикано произвела на меня сильное впечатление. Я решил, что это доказательство того, что она на пути к переосмыслению. 13-го августа шёл дождь, и мы впервые за долгое время провели ночь по отдельности. 14-го августа дождь только усилился. 15-го августа, никому ничего не сказав, Хаджикано бросилась в море. И вот так нашим коротким отношениям пришёл конец.

Примечания:

(1) Искатель – это маленький телескоп, закреплённый на трубе большого телескопа и служащий для наведения на интересующий объект. (2) "Призрак Ёцуи" – мистический японский фильм 1949 года о красавице Оиве, обезображенной собственным мужем. (3) "Бог из машины" (лат. *deus ex machina*) – выражение, обозначающее неожиданное спасение, пришедшее извне. (4) Вега, Альтаир и Денеб составляют астеризм – летний (осенне-летний) треугольник.